Разсказы о графѣ М. Н. Муравьевѣ.

I.

М. Н. Муравьевъ губернаторомъ въ Курскѣ.

Вѣсть о назначенiи генерала Муравьева (въ 1835 г.) изъ Гродно въ Курскъ быстро разнеслась по губернiи... Страхомъ и трепетомъ обуяла эта вѣсть туземное чиновничество, какъ бы призывъ предъ страшный судъ за долгiя и тяжкiя прегрѣшенiя нашихъ судей и администраторовъ!... Хорошо всѣ знали, что такое Муравьевъ... Слухомъ, какъ говорятъ, земля полнится, и «гласъ-народа—гласъ Божiй»! какъ проповѣдуетъ вѣковое преданiе. Одна только канцелярiя губернатора, такъ мало причастная общему грѣху, мирно и чинно ожидала нашествiя сѣверо-западной тучи; дѣла ея, благодаря Бога и честному направленiю управлявшаго канцелярiею г. С— ва, текли ровно и гладко, хотя подъ-часъ и медленно. Въ ней трудно было самому взыскательному ревизору зацѣпиться за пень или колоду—ихъ между смиренно-трудовой братiей не существовало.

Но вотъ, наконецъ, ожидаемая около двухъ мѣсяцевъ грозовая туча надъ губернскимъ городомъ разразилась. Громовой ударъ грянулъ и показалъ на дѣлѣ, что не даромъ волновались души и трепетъ обуревалъ сердца грѣшниковъ!... Смѣна за смѣною, реформа за реформою въ губернскомъ правленiи, палатахъ и судахъ—пошли быстрымъ ходомъ.... Не прошло 2-хъ мѣсяцевъ, какъ Курскъ совершенно обновился: весь старый хламъ разобранъ, растасованъ, выброшенъ! его замѣнили новыя личности и тѣ, которыя прибыли съ губернаторомъ изъ Гродно, Петербурга и Москвы въ числѣ около двадцатя человѣкъ и постепенно наѣзжавшiе и съ сѣвера, и съ запада, и юга, и востока!...

Тѣхъ, которые удержались на своихъ мѣстахъ нетрудно перечесть: три засѣдателя судебныхъ палатъ, одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты, директоръ гимназiи, одинъ изъ губернскихъ стряпчихъ, опера-

торъ врачебной управы, да два чиновника особыхъ порученій, получившіе вскорѣ назначеніе на высшія должности, итого девять человѣкъ. Вотъ все, что осталось Курску отъ прежняго чиновнаго персонала... При такихъ реформахъ и преобразованіяхъ, новымъ начальникомъ губерніи произведенныхъ, произошли нѣкоторыя измѣненія и въ составѣ его канцеляріи: штатъ чиновниковъ сократился до minimum'a; взамѣнъ этого сокращенія вновь учреждено при канцеляріи ревизіонное отдѣленіе, гдѣ сосредоточивалась отчетность всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ губерніи, вѣдомству губернатора непосредственно подчиненныхъ, и этимъ новымъ учрежденіемъ, слѣдившимъ зорко и строго за дѣйствіями тѣхъ и другихъ, данъ сильный толчокъ дѣятельности всѣхъ и каждаго.

Въ канцеляріи и губернскомъ правленіи денно-нощная работа, какъ говорится—огнемъ горѣла и ключемъ кипѣла!... Шестнадцатью часами суточныхъ занятій, безъ исключенія воскресныхъ и праздничныхъ дней, опредѣлялось трудовое бремя, на молодыя, большею частью, рамена нагруженное!... Еженедѣльныя ревизіи канцеляріи, производимыя самимъ губернаторомъ, всегда по воскресеньямъ съ 11—12-ти часовъ утра до часа и двухъ ночи и ежемѣсячныя губернскаго правленія не допускали мысли о свободѣ и праздности. Разительный примѣръ неусыпнаго труда и необычайной дѣятельности всѣ имѣли предъ глазами—въ особѣ М. Н. Муравьева: дни и ночи проводилъ онъ за рабочимъ столомъ своего кабинета съ перомъ въ рукѣ! Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ генерала былъ вице-губернаторъ Г. Ф. Авсѣенко. Это былъ замѣчательный человѣкъ по высокой честности, деликатности въ обращеніи и необычайному трудолюбію. Онъ былъ воплощенная правда и истина! М. Н. любилъ и уважалъ его искренно, называлъ его не иначе, какъ своею правою рукою, на которую смѣло можно было опереться при трудномъ управленіи такою губерніею, какова Курская.

Но грозовая туча все еще не прошла и не очистила горизонта для Курской губерніи... Она мрачною пеленою висѣла и разстилалась надъ нею! Зловѣщій второй ударъ грома разразился изъ этой грозной тучи, когда новый губернаторъ, спустя четыре мѣсяца по прибытіи въ Курскъ, отправился для обозрѣнія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ...

Въ концѣ концовъ дошло до того, что не имѣлось уже въ виду кѣмъ замѣщать сотни очищенныхъ вакантныхъ мѣстъ по всѣмъ отраслямъ уѣзднаго управленія. Явилась необходимость браться за иногороднихъ; и вотъ, почты понесли по всѣмъ направленіямъ отношенія къ сосѣднимъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ о приглашеніи желающихъ служить въ Курской губерніи, которая такимъ образомъ приняла на себя роль Кавказа и Сибири, куда идутъ чиновники лишь по вызову за неимѣніемъ туземцевъ.

Со всѣхъ сторонъ слетались въ Курскъ: орлы и орлята, коршуны и ястребы, смиренные агнцы и бодливые козлища, хитрые лисы и хищные волки, и вся эта ржа и тля до того заполонила было губернію, что скоро потребовались самыя энергичныя полицейскія мѣры, чтобы только выдворить за черту губерніи большую часть налетѣвшей саранчи и выпроводить во свояси эту тяжелую кару раздраженнаго неба!

Насилу-то, насилу года въ полтора въ два, упорядочился составъ губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ! Въ самомъ губернскомъ правленіи, въ продолженіе почти цѣлаго года оставались праздными мѣста двухъ совѣтниковъ; ихъ занимали по назначенію губернатора: бѣлгородскій городничій, гвардейскій подпоручикъ В—въ и засѣдатель Дмитріевскаго уѣзднаго суда, подпоручикъ же арміи С—кій, уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома, какъ чиновники дѣйствительно достойные, обратившіе на себя при ревизіи особое вниманіе его превосходительства. Въ г. Щиграхъ отправлялъ должность городничаго около года начальникъ мѣстной инвалидной команды маіоръ П—въ. Вотъ доказательство, до какой степени доходило затрудненіе въ замѣщеніи свободныхъ вакантныхъ мѣстъ въ губерніи.

Между тѣмъ усидчивая работа въ губернаторской канцеляріи и губернскомъ правленіи не прекращалась и лишь по прошествіи двухъ лѣтъ служащіе труженники достигли какъ-бы обновленія своей жизни: порядокъ былъ возстановленъ всюду, куда проникала крѣпкая власть начальника губерніи; рабочая машина, хорошо приспособленная, правильно и отчетливо совершала свое дѣло; все вошло въ надлежащую, прочно пробитую колею, не выскакивая изъ рельсовъ. Трудъ совершилъ свое дѣло, и свобода служащаго люда получила до нѣкоторой степени права гражданства! Только тогда лишь всѣ оцѣнили вполнѣ ту неусыпную заботливость, всю силу той необычайной энергіи, съ какими стремился къ благоустройству губерніи нашъ образцовый и незабвенный начальникъ. Твердость убѣжденій, глубокій здравый смыслъ, неподкупная ни какими земными благами правда были отличительными чертами его характера; они составляли блистательный ореолъ его замѣчательной личности!

Надобно правду сказать, не легка была задача новаго губернатора среди такого непроходимаго хаоса, въ какомъ находилась тогда Курская губернія: многіе сотни тысячъ казенныхъ недоимокъ и податей, тяготѣвшихъ на всѣхъ сословіяхъ чрезъ бездѣйствіе администраціи, многими годами накопленныхъ, и свыше 30-ти тысячъ дѣлъ въ одномъ губернскомъ правленіи, укоренившаяся праздность въ массѣ губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ—заставили генерала Муравьева принять рѣшительныя и быстрыя мѣры, какъ къ очищенію недоимокъ, такъ и къ перемѣнѣ почти всего чиновнаго персонала въ губерніи и въ замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ лицами болѣе благонамѣренными и дѣятель-

ными. Въ томъ и другомъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ со строгою непреклонною законностью. Независимо распоряженій по первому изъ сихъ предметовъ, удостовѣрясь лично въ безпорядочномъ веденіи уѣздными казначействами податныхъ регистровъ и въ неправильности учета казенныхъ и земскихъ сборовъ, онъ учредилъ въ каждомъ городѣ особыя комисіи для разбора недоимокъ подъ предсѣдательствомъ исправниковъ, чиновниковъ казенной палаты и уѣздныхъ стряпчихъ и, слѣдя настойчиво за успѣхомъ дѣйствій сихъ комисій, далъ вполнѣ разумное и отчетливое направленіе этому важному государственному дѣлу. Едва ли не свыше милліона рублей по его представленіямъ было сложено въ губерніи недоимокъ давнихъ лѣтъ, какъ неправильно начтенныхъ, такъ и ко взысканію невозможныхъ. Если же недовольные дѣйствіями его по усиленному взысканію недоимокъ указываютъ на продажу въ имѣніяхъ неплательщиковъ—движимыхъ ихъ имуществъ, усматривая въ томъ превышеніе будто-бы власти губернатора, но такая крайняя мѣра, отнюдь не противорѣча установленнымъ въ законѣ правиламъ, не представляла, слѣдовательно, собою повода къ недовольству; тѣмъ болѣе, что рѣшительныя и энергичныя распоряженія губернатора суть слѣдствіе настоятельной воли государя, объявленной лично при посѣщеніи его величествомъ Курска въ августѣ мѣсяцѣ 1835 года, и потому никакое замедленіе, а тѣмъ паче послабленіе неплательщикамъ были не мыслимы и не могли имѣть мѣста тамъ, гдѣ исполненіе дѣла лежало на строгой личной отвѣтственности начальника губерніи.

Пристрастіе и лицепріятіе во все время управленія генерала Муравьева губерніею было совершенно немыслимо: это доказывается тѣмъ, что когда одинъ ихъ прибывшихъ съ нимъ изъ Гродно, въ числѣ 16-ти чиновниковъ, занявшій въ Курскѣ мѣсто совѣтника губернскаго правленія, воспользовавшись отъѣздомъ генерала въ началѣ 1839 года въ Петербургъ и разнесшимися слухами о назначеніи его директоромъ департамента вновь образованнаго тогда министерства государственныхъ имуществъ, задумалъ лишь соединять частные свои интересы съ служебными, то тотчасъ же по возвращеніи губернатора въ Курскъ устраненъ былъ отъ должности; напротивъ (же) два чиновника особыхъ порученій, служившіе при бывшемъ губернаторѣ, получили по ходатайству генерала Муравьева мѣста совѣтниковъ: одинъ въ губернскомъ правленіи, другой въ гражданской палатѣ.

Съ помощью присущей мощной натурѣ генерала Муравьева дѣятельности, энергіи и неодолимой силы воли, четырехъ-лѣтнее управленіе его преобразовало до неузнаваемости губернію и, можно безъ преувеличенія сказать, возродило ее къ новой, разумно-честной жизни. Система такого управленія, достойно поддержанная въ теченіе послѣдующихъ 11-ти лѣтъ двумя преемниками его: генералъ-маіоромъ Ф. и еще

болѣе дѣйств. ст. сов. У—мъ, павшимъ впослѣдствіи безвинною жертвою низкой интриги, порожденной враждебными столкновеніями съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ тузовъ, прочно держалась и въ нѣкоторой степени доселѣ удерживается въ Курской губерніи.

Достаточно взглянуть на представленія генерала Муравьева и отчеты его государю и министру внутреннихъ дѣлъ за 1835 и 1836 годы, а также на предложенія, данныя губернскому правленію въ тѣ годы, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи принята была имъ въ свое управленіе Курская губернія и что за чиновничество составляло ея судъ и администрацію! Ознакомившись близко съ этими фактами, не будетъ повода удивляться, что по вступленіи на должность губернатора, генералъ Муравьевъ поспѣшилъ измѣнить въ ней почти весь чиновничій персоналъ, уничтожая, такъ сказать, всю старую, негодную закваску и стремясь всемѣрно замѣнить ее свѣжими, болѣе свѣтлыми элементами служебной нравственности; и если, въ числѣ потерпѣвшихъ fiasco чиновниковъ, состояло пять, шесть болѣе или менѣе благонамѣренныхъ, то вѣдь генералу Муравьеву не было времени долго всматриваться въ ихъ личныя достоинства, и онъ не находилъ возможнымъ безъ всеобщаго измѣненія прежняго персонала достигнуть скоро и прочно цѣли предпринятыхъ имъ реформъ и улучшеній. Не менѣе упрекали генерала Муравьева пожалуй и за то, что увольняемые и отрѣшаемые чиновники обращаемы были имъ во временной комплектъ для окончанія имѣвшихся на рукахъ ихъ дѣлъ и для разбора архивовъ, найденныхъ при ревизіи его въ неимовѣрномъ безпорядкѣ; таковой обязанности не избѣгли ни совѣтники губернскаго правленія, ни члены полицейскихъ управленій. Но вопросъ: какими же другими средствами возможно было съ желаннымъ успѣхомъ преодолѣть тѣ затрудненія, исправить тѣ капитальные безпорядки, какіе царили въ губерніи въ продолженіе почти двадцати лѣтъ? Понятное дѣло, послѣ совершоннаго погрома должностиыхъ лицъ и неуклонно строгаго преслѣдованія все еще кое-гдѣ скрытно гнѣздившихся въ губерніи злоупотребленій, весьма немного оставалось такихъ, которые были бы довольны подобными дѣйствіями и прославляли его управленіе; но послѣдствія убѣдили въ необходимости тѣхъ крутыхъ мѣръ, какія приняты были предусмотрительностью генерала Муравьева для уничтоженія зла, какъ говорится, съ корнемъ! Самыя проводы его изъ губерніи въ іюлѣ 1839 года, когда перемѣщенъ онъ былъ въ министерство финансовъ, на должность директора департамента податей и сборовъ, наглядно свидѣтельствуютъ живѣйшую благодарность дворянства и другихъ сословій за принесенную его управленіемъ пользу. Едва-ли съ такимъ почетомъ и сожалѣніемъ провожали кого-либо изъ всѣхъ его предшественниковъ, занимавшихъ постъ Курскаго губернатора со

времени образованія этой губерніи? Цѣлая вереница экипажей дворянства, губернскихъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ города тянулась за его дорожнымъ дормезомъ отъ Курска до Коренской пустыни, гдѣ предназначенъ былъ послѣдній прощальный ему обѣдъ въ заключеніе нѣсколькихъ, данныхъ чиновничествомъ, дворянствомъ и купечествомъ, подобныхъ обѣдовъ въ Курскѣ. Болѣе 200 особъ участвовали на Коренскомъ обѣдѣ и проводы были по истинѣ образцовыя!... А потомъ, когда по временамъ генералу Муравьеву случалось быть проѣздомъ въ Курскѣ, какъ, напримѣръ: изъ Кіева въ 1851-мъ, кажется, году, потомъ въ 1856-мъ для ревизіи межевыхъ дѣлъ и наконецъ, въ 1858-мъ по званію министра государственныхъ имуществъ и главнаго директора межевого корпуса для ревизіи палаты государственныхъ имуществъ и посреднической комисіи по размежеванію земель, надобно было видѣть то громадное стеченіе публики, которая собиралась для привѣтствія своего бывшаго губернатора! Не только пріемные покои квартиры его переполнены были посѣтителями, но улицы, прилегающія къ этому дому, буквально запружены были народомъ! Благіе результаты управленія генерала Муравьева скоро выяснились въ положеніи губерніи: почти всѣ многомилліонныя казенныя недоимки были погашены; залежавшимся во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ десяткамъ тысячъ дѣлъ данъ такой толчекъ, что быстрота производства и рѣшенія ихъ изумляла всѣхъ и каждаго; и можно съ полною увѣренностью сказать: пробудь Муравьевъ еще годъ или два губернаторомъ въ Курскѣ, не оставалось бы въ губерніи и слѣда прежняго неустройства и неурядицы!

Въ заключеніе, не лишнее будетъ замѣтить, какъ много генералъ Муравьевъ, на пути предпринятыхъ имъ улучшеній въ судебномъ и административномъ управленіи въ губерніи ему ввѣренной, встрѣчалъ разнородныхъ реакціонныхъ преградъ со стороны высшихъ правительственныхъ властей, не исключая и Правительствующаго Сената. Почти на первыхъ же порахъ служебной дѣятельности его въ Курскѣ противъ него явно возстали министры: военный, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющій путями сообщенія и 1-й департаментъ Сената—и противодѣйствія эти ясно отражались въ отрицаніи самыхъ дѣльныхъ и вполнѣ законныхъ его представленій, слѣдствіемъ чего онъ не разъ вынуждаемъ былъ крайностью входить, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, шефа жандармовъ, а иногда и лично, со всеподданнѣйшими докладами къ государю и только тогда достигались предпринятыя имъ мѣры. А между тѣмъ время доказало, какъ тяжело отзываются подобныя отношенія лицъ, болѣе или менѣе зависимыхъ, съ властію, стоящею ступенью или двумя выше на іерархической лѣстницѣ. Если указать на причины тѣхъ непріязненныхъ столкновеній съ высшими сановниками,

какія выпали на долю М. Н. Муравьева, то онѣ покажутся болѣе странными, чѣмъ дѣльными и основательными. Такъ, напримѣръ: военный министръ вознегодовалъ на Муравьева собственно за назначеніе имъ начальника щигровской инвалидной команды къ временному исправленію должности городничаго въ Щиграхъ, впредь до замѣщенія этой вакансіи со стороны комитета о раненыхъ. На запросъ министра: «чѣмъ руководствовался военный губернаторъ при такомъ распоряженіи, не испросивъ предварительно его согласія», генералъ Муравьевъ не обинуясь отвѣчалъ, что при ревизіи имъ щигровскихъ присутственныхъ мѣстъ настоящаго городничаго въ городѣ не было; исправляющій же эту должность частный приставъ встрѣченъ имъ пьянымъ; уѣздный судья, на котораго можно-бъ было возложить временно обязанность городничаго, находился въ болѣзненномъ положеніи и должность его исправлялъ ни къ чему неспособный засѣдатель уѣзднаго суда; что при такихъ обстоятельствахъ, губернатору предстояли двѣ крайности: или оставить городъ безъ всякаго полицейскаго управленія или же поручить обязанность городничаго начальнику мѣстной инвалидной команды, которая составляетъ собою какъ бы пособіе полицейскому управленію въ охраненіи спокойствія и порядка въ городѣ.

Такимъ категорическимъ отзывомъ конечно не удовольствовался военный министръ, хотя дальнѣйшія возраженія его и остались безъ послѣдствій. Далѣе—министръ юстиціи, при участіи Правительствующаго Сената, возсталъ противъ Муравьева за личный всеподданнѣйшій докладъ его государю императору, при посѣщеніи его величествомъ Курска въ августѣ мѣсяцѣ 1835 года, о совершенной неблагонадежности предсѣдателя Курской уголовной палаты Г—го, слѣдствіемъ чего было немедленное удаленіе его по высочайшему повелѣнію отъ должности и опредѣленіе представленнаго на это мѣсто лично Муравьевымъ, помимо министра и Сената, одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія. Дѣйствіе Муравьева въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе раздражило министра юстиціи и Правительствующій Сенатъ, что Г—кій, служа нѣсколько лѣтъ въ Курскѣ, получалъ по ходатайству министра ежегодныя награды, и уголовная палата, вопреки справедливости, выставлялась почему-то въ числѣ образцовыхъ. И въ силу-то подобной, несогласной съ дѣйствительностью аттестаціи, ни министръ юстиціи, ни Сенатъ не признавали удобнымъ согласиться съ представленіями губернатора объ удаленіи Г—го отъ должности предсѣдателя.

Затѣмъ, вотъ причина, послужившая къ неудовольствію на генерала Муравьева со стороны гр. Клейнмихеля: въ 1836 или 37-мъ году въ Курскомъ губернскомъ правленіи предназначалось въ продажу весьма капитальное имѣніе умершаго помѣщика Анненкова, бывшаго до 1831

года губернскимъ предводителемъ. Имѣніе это находилось въ разныхъ уѣздахъ губерніи, и губернаторъ Муравьевъ, изъ желанія привлечь къ торгамъ возможно большее число конкурентовъ и тѣмъ выгоднѣе произвести продажу имѣнія Анненкова, чтобы сколько-нибудь гарантировать печальную будущность его семейства, сдѣлалъ распоряженіе о распродажѣ имѣній его по частямъ, въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что съ большимъ капиталомъ трудно было ожидать достаточнаго числа желающихъ приступить къ торгамъ на покупку имѣнія свыше тысячи ревизскихъ душъ съ большимъ количествомъ земли, въ цѣломъ составѣ его. Кто-бы, казалось, могъ протестовать противъ подобнаго, вполнѣ практичнаго распоряженія? Но вышло противное: гр. Клейнмихель имѣлъ виды на имѣніе Анненкова, и узнавъ о намѣреніи губернатора пустить его въ раздробительную продажу съ особою оцѣнкою каждой изъ деревень, письменно относился къ М. Н. Муравьеву объ устраненіи такого предположенія, выразивъ прямо желаніе свое участвовать въ торгахъ на все вообще имѣніе, и что на предметъ этотъ, онъ уполномочилъ уже отъ себя довѣренное лицо. Губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, не изъявилъ согласія на отмѣну своего распоряженія, и имѣнія проданы врознь, не только безъ ущерба для наслѣдниковъ Анненкова, но и съ значительною для нихъ пользою. Едва ли бы кто другой на мѣстѣ М. Н. Муравьева рѣшился послѣдовать его примѣру, и въ видахъ справедливости и безпристрастія, отважился возстановить противъ себя негодованіе такого мощнаго сановника, какимъ былъ въ то время гр. Клейнмихель? Кто сколько-нибудь знакомъ съ характеромъ и честолюбіемъ графа, тотъ легко можетъ представить себѣ впечатлѣніе, произведенное на его сіятельство отказомъ губернатора отъ выполненія его задушевныхъ желаній.

Нельзя сказать, чтобы благоволилъ къ Муравьеву и министръ внутреннихъ дѣлъ и сочувственно, какъ бы слѣдовало, относился къ его служебной дѣятельности, при полномъ соблюденіи законности и благонамѣренности въ его распоряженіяхъ. Подтвержденіемъ такому неблаговоленію г. министра можетъ служить то, что почти всѣ представленія губернатора къ наградамъ достойнѣйшихъ изъ его сотрудниковъ и подчиненныхъ, въ большинствѣ, оставались безъ послѣдствій. Были нерѣдко случаи отказа въ ходатайствахъ его, болѣе чѣмъ наивные и странные. Такъ напримѣръ: то возвращались представленія по неразборчивости будто-бы подписи фамиліи губернатора; то по невыслугѣ рекомендуемыми лицами трехъ лѣтъ кряду въ одной и той же должности; то, наконецъ, оставались представленія его безъ уваженія,— смѣшно сказать, — по неразборчивости отмѣтки въ графѣ аттестаціи формуляра должностного, представляемаго къ наградѣ лица, тогда какъ въ самыхъ представленіяхъ точно и опредѣленно рекомендо-

вались труды и заслуги каждаго. Послѣ такого упорнаго невниманія со стороны министерства къ ходатайству начальника губерніи, конечно, не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить дальнѣйшія представленія, и вслѣдствіе того, награды служившимъ подъ начальствомъ его чиновникамъ были необычайною рѣдкостью.

Весьма естественно предполагать, что такое натянутое отношеніе министра и директоровъ департаментовъ къ губернатору было слѣдствіемъ формальныхъ представленій его о неопредѣленіи въ Курское губернское правленіе на должности совѣтниковъ, служащихъ или причисленныхъ къ министерству лицъ, безъ особой съ его стороны рекомендаціи, такъ какъ онъ не могъ разсчитывать на способность и готовность министерскихъ, вовсе неизвѣстныхъ ему чиновниковъ, нести тотъ тяжелый трудъ, какой необходимъ былъ при приведеніи губернскаго правленія и вообще губерніи въ должное благоустройство и порядокъ изъ царившаго въ нихъ хаоса.

Независимо сего, назначеніе Муравьевымъ къ временному исправленію обязанностей совѣтниковъ: бѣлгородскаго городничаго В—ва и засѣдателя Дмитріевскаго уѣзднаго суда С—го, безъ предварительнаго разрѣшенія министерства, неблагопріятно повліяло на министра и директоровъ его департаментовъ; но подобныя впечатлѣнія прошли предъ губернаторомъ Муравьевымъ безслѣдно, какъ-бы незамѣченными. Другихъ причинъ отсутствія симпатіи въ министрѣ къ служебной дѣятельности Муравьева за управленіе его Курскою губерніею современная хроника не представляетъ.

С. Д. Слатинъ.